



НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 140.8; УДК 321.8
DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-392-400

Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л. М. Волкова и Ф. Г. Крашенинникова «Облачная демократия»

Егоров Н.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: jivaturik@yandex.ru

Аннотация. Политическое представительство – одна из центральных проблем политической философии. Представительная демократия повсеместно использовалась и используется государствами в XXI веке. Однако существуют современные теоретические модели, тяготеющие к противоположенной форме демократии – прямому народовластию. Одна из таких моделей – облачная демократия, описанная в одноименной книге-манифесте Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова. Цель исследования – проанализировать теоретический синтез элементов прямой и представительной демократии, предложенный в книге «Облачная демократия». Эта книга упоминалась в научной литературе, но до сих пор не становилась объектом подробных исследований. На материале тезисов книги «Облачная демократия» приведены основания современной критики прямой и представительной демократии. Сделан вывод о том, что облачная демократия, переосмысливая институты представительства, предлагает принципиально новые возможности делегирования власти и отказа от делегирования.

Ключевые слова: политическая философия, прямая демократия, представительная демократия, политическое представительство, политическое участие, волеизъявление, политические институты, политическая субъектность, технооптимизм.

Для цитирования: Егоров Н.С. 2021. Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л. М. Волкова и Ф. Г. Крашенинникова «Облачная демократия». NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 392–400. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-392-400

Cloud democracy as a synthesis of two forms of democracy: political and textual analysis of the book "Cloud democracy" by L.M. Volkov and F.G. Krasheninnikov

Nikita S. Yegorov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: jivaturik@yandex.ru

Abstract. Political representation is one of the central problems of political philosophy. Representative democracy has been widely used and is being used by States in the twenty-first century. However, there are



modern theoretical models that tend to the opposite form of democracy – direct democracy. One of these models is cloud democracy, described in the self-titled manifesto book by L.M. Volkov and F.G. Krasheninnikov. The purpose of the study is to analyze the theoretical synthesis of elements of direct and representative democracy, proposed in the book "Cloud democracy". This book has been mentioned in the scientific literature, but has not yet been the subject of the issue. The article considers the democratic mechanisms of cloud democracy; describes the forms of political participation suggested by L.M. Volkov and F. G. Krasheninnikov; provided the connection of the democratic mechanisms of cloud democracy with information technologies. The modern criticism of direct and representative democracy is considered. The study concludes that cloud democracy offers fundamentally new opportunities for delegating power and less delegation.

Keywords: political philosophy, cloud democracy, direct democracy, representative democracy, political representation, political participation, expression of will, political institutions, political subjectivity, techno-optimism.

For citation: Yegorov N.S. 2021. Cloud democracy as a synthesis of two forms of democracy: political and textual analysis of the book "Cloud democracy" by L.M. Volkov and F.G. Krasheninnikov. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 392–400 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-392-400

Облачная демократия – это форма политического самоуправления граждан в масштабах государств, которая строится на повсеместном использовании интернет-технологий; форма демократии, которая возникнет с развитием сетевого общества [Волков, Крашенинников, 2013, с. 97]. Модель облачной демократии описывается в одноименной книге-манифесте Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова. В этой книге авторы размышляют над проблемами и перспективами прямой и представительной демократии, предлагая свою концепцию синтеза прямого и представительного народовластия.

В связи с публицистическим характером книги «Облачная демократия», мы не находим в ней анализа работ теоретиков прямой и представительной демократии. Исторические прецеденты прямой демократии и демократии вообще описаны схематично. Авторы не рассматривают, а скорее упоминают роль эпохи Просвещения, Ж.-Ж. Руссо, Великой французской революции и создания США в процессе становлении демократии. Теоретики демократии Нового времени в лице Дж. Локка, Б. Спинозы и др. остаются за пределами внимания авторов, как будто между Античностью и эпохой Просвещения демократической мысли не существовало. Современные модели демократии, в частности схожая с облачной демократией *delegative democracy* [Ford, 2002], авторами не рассматриваются. Тем не менее «Облачная демократия» – это ценный политологический текст, упоминаемый и в публицистической, и в научной литературе. Модель облачной демократии – это оригинальный образ будущего, описанный авторами на институциональном уровне.

Сделаем еще одно дополнение. Некоторые исследователи считают деление на прямую и представительную демократию недостаточным. В частности, Д. Хелд не применяет в своих работах такую оппозицию, аргументируя это существованием принципиально различных теорий внутри прямой и представительной демократии [Хелд, 2014]. Тем не менее Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников упоминают в своем тексте только две основные формы народовластия, и мы в ходе своего анализа также будем придерживаться этого деления.

Каковы основания современной критики представительной демократии? Есть ли будущее у прямой демократии и какие проблемы ей предстоит решить? Чтобы ответить на эти вопросы вместе с авторами «Облачной демократии», мы рассмотрим представительную демократию как одну из двух основных форм демократического участия граждан в политической жизни, а затем проанализируем взгляд авторов на проблемы прямой демократии.

Политическое представительство – одна из центральных проблем политической философии. Представитель представляет (репрезентует) граждан и замещает их в выполнении



определенных функций. По Т. Гоббсу, представитель (person artificial – искусственная личность) действует по полномочию доверителя, и доверитель является собственником действий представителя [Гоббс, 1991, с. 124].

В современной теории представительства наблюдается тенденция считать государство в целом представителем всей совокупности его граждан [Анкерсмит, 2014, с. 43]. В рамках такого подхода назначенный президентом посол является представителем в той же мере, что и депутат, избранный народом. Однако мы вслед за Дж. Сатори [Satori, 1968] будем считать представителями только избранных лиц.

Народ делегируют свои права представителям посредством выборов, а представители получают политические полномочия – мандат. Недостижимой целью этой процедуры (по мнению сторонников миметической теории представительства) является создание народа в миниатюре. Авторы «Облачной демократии» представляют этот процесс таким образом: «берется 140 млн человек и делается снимок, который "весит" 450 байт. Просто потому, что лучше снимок аппарата не позволяет сделать» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 60].

В реальности граждане не считают себя представленными в законодательных органах власти. Только 24 % опрошенных россиян считают, что Государственная Дума вполне заслуживает доверия, столько же вполне доверяют Совету Федерации, 16 % вполне доверяют политическим партиям [Институциональное доверие, 2019]. Показатели доверия представительных органов власти уступают показателям доверия президенту, правительству и суду, а политические партии обладают самым низким уровнем доверия среди основных институтов российского общества [Институциональное доверие, 2019].

Положение о неэффективности представительной демократии стало отправной точкой рассуждений Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова о демократии будущего. Авторы так пишут о современных политиках: «Получив от избирателей свой мандат, они становятся самостоятельны и самодостаточны до следующих выборов» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 43]. Представительная демократия демонстрирует низкий уровень связи между депутатом и избирателем, который за него голосовал: «как только человек проголосовал, он уже не имеет отношения ко всему происходящему далее <...> Избранные им люди перед ним никак формально не отчитываются» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 56]. Депутат в некотором смысле становится автономной единицей, так как избиратели не могут отозвать свой голос за депутата в любое время.

Представительная демократия редко дает гражданину право быть субъектом принятия политических решений: «фактически гражданин пользуется своим правом один раз в несколько лет» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 56]. М. Вебер так высказывается об этой редкой возможности обретения политической субъектности: «Политиками "по случаю" являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т.д.» [Вебер, 2017, с. 261]. В то же время М. Вебер считал невозможным расширение политического участия граждан до уровня прямой демократии в масштабах государства: «Демос в смысле массы людей никогда не управляет в больших социальных образованиях самостоятельно, наоборот, является объектом управления и определяет лишь вид господствующей элиты-управленцев и степень влияния на нее» [Weber, 1980, p. 568]. И тем не менее современный уровень развития технологий ставит перед нами смелый вопрос: «Можем ли мы радикально увеличить количество тех самых "случаев", в которых рядовой гражданин имеет возможность принимать политические решения вместо "элиты-управленцев"?».

Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников считают всеобщее распространение представительной демократии в современном мире вынужденной мерой, аппроксимацией демократии. Согласно авторам, эта форма политической организации общества «представляет собой общественный компромисс между идеалами прямой демократии и тем, что возможно



в условиях реального мира» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 44]. Представительная демократия, по мнению авторов, используется государствами в следствие технологической невозможности прямой демократии: «генезис форм представительной демократии во многом обусловлен постоянной необходимостью преодолевать одни и те же технологические ограничения реального мира» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 30]. Надо сказать, что такого подхода придерживались многие теоретики демократии, в частности отцы-основатели США: А. Гамильтон, Д. Джей, Д. Мэдисон. Т. Джефферсон считал «чистую демократию» (*pure democracy*) первой по значимости формой демократического правления, а представительство избранных народом агентов он относил к народному правлению «второй степени чистоты» [Падовер, 1992, с. 42].

Ж.-Ж. Руссо, сторонник прямого народовластия, писал: «Суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собраньи» [Руссо, 200, с. 276] Идеи Ж.-Ж. Руссо получили широкий резонанс в Европе и в Новом Свете [Руденко, 2012].

Однако на практике прямая демократия со времен античной Греции не использовалась почти нигде. Представительная демократия и представительство вообще долгое время являлась единственной альтернативой монархической власти и воспринималась многими прогрессивными мыслителями как единственно возможная форма демократии.

В современном мире мы наблюдаем иную ситуацию. О непосредственной власти народа говорят не только теоретики и футуристы, но и Конституция Российской Федерации: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Под непосредственным осуществлением власти понимаются выборы в органы исполнительной власти и референдумы [Ершов, 2014]. Однако на федеральном уровне референдумы в России не проводились со времен принятия Конституции, а выборы в органы исполнительной власти – это определенная разновидность делегирования полномочий.

Какие глобальные изменения, произошедшие в недавнем прошлом и происходящие в настоящем, актуализируют прямую демократию?

Во-первых, в следствие возникновения всеобщей грамотности, урбанизации, отмены тяжелых форм личной зависимости и уничтожения сословий уходит в прошлое статусная дифференциация, характерная для предыдущих эпох. В доиндустриальном мире естественным было деление общества на свободных, грамотных, богатых, образованных руководителей и неграмотных подчиненных. Имея в виду контекст дихотомии монархии и демократии, авторы пишут: «Совершенно неудивительно, что небогатую и неумную часть человечества до сих пор так легко можно склонить к любым формам единовластия» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 18]. Это высказывание актуально и в контексте дихотомии форм демократии. Мы можем сказать: «Совершенно неудивительно, что небогатую и неумную часть человечества до сих пор представляли богатые и умные». В современном мире граждане не видят разницы между собой и людьми, осуществляющими политическое руководство. Ф. Анкерсмит пишет: «Различие между государством, политической партией и представителем, с одной стороны, и обществом и гражданином (или представляемым), с другой, сегодня все больше теряет очевидность, какой оно традиционно обладало» [Анкерсмит, 2014, с. 72]. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности существования политического истеблишмента.

Во-вторых, следует отметить изменения, произошедшие в информационной сфере. Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников считают одной из ключевых предпосылок появления прямой демократии в современном мире новые информационные возможности граждан: «В любой стране мира, в том числе и в России, имея доступ к Интернету, человек может получить максимально полную информацию. Более того, он может получить доступ к экспертным мнениям, альтернативным официальным точкам зрения» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 72].



Авторы рассматривают доступ к информации как ключевой фактор изменения восприятия политики: «Одним из важнейших явлений современной общественной жизни можно считать трансформацию публичности» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 68].

В-третьих, уровень развития технологий позволяет использовать новые способы реализации прав граждан. Авторы «Облачной демократии» считают, что уже сейчас многие процедуры не необходимы, ибо порождены преодоленным на сегодняшний день техническим несовершенством [Волков, Крашенинников, 2013, с. 83]. Современные технологии в виде таких технологических новшеств, как электронная подпись, – главный источник оптимизма авторов по отношению к перспективам прямой демократии: «Примерно до 2005 года нельзя было предложить никакую другую технологическую альтернативу, и человечеству ничего не оставалось, кроме как принимать представительную демократию <...> Однако сейчас такая технологическая альтернатива появилась» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 86]. Таким образом, новая технологическая парадигма представляется основным импульсом будущего демонтажа институтов представительной демократии. Е.М. Шульман пишет: «Развитие информационных технологий может в будущем вернуть общество к истокам полисной демократии, но на новом синтетическом уровне – в соответствии с известным гегелевским законом диалектического развития» [Шульман, 2014, с. 136]. С этой же постановкой проблемы мы сталкиваемся в работах Б.В. Маркова: «Интернет решает и техническую проблему прямой политической партиципации: кажется, снова может быть возрождена <...> античная агора» [Марков, 2001].

Нельзя не упомянуть и об общественном отношении к технологическим новшествам, которое является значимым фактором при внедрении технологий в политическую сферу.

Результаты социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного коллективом Московской школы социально-экономических наук показали, что 48 % опрошенных россиян являются технооптимистами [Публичный отчет, 2017, с. 22], 21 % опрошенных положительно высказали позитивное отношение к роботу-судье [Публичный отчет, 2017, с. 17]. Далее мы читаем: «Технологии в таком случае <...> в будущем смогут заменить институты, которым технооптимисты не доверяют...» [Публичный отчет, 2017, с. 30]. В этом смысле логика авторов «Облачной демократии» полностью согласуется с логикой технооптимистов. Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова считают «замену институтов» одной из главных целей реализации своей политической модели.

Однако хотя авторы полагают, что уже сейчас существует технологическая возможность организовать прямое участие граждан в принятии решений, они настаивают на том, что «полностью отбрасывать все наработки представительной демократии не стоит» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 96]. Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинников конструируют свою модель, синтезируя две формы демократии: «Технология позволяет нам совместить все лучшее, что было в теории и практике прямой и представительной демократии, в принципиально новой форме организации народовластия» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 96]. Тем не менее приоритет отдается прямой форме народовластия. Сами авторы пишут, что «облачная демократия не является ни прямой, ни представительной – она берет лучшие черты у обеих этих моделей» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 111].

Модель облачной демократии предполагает наличие некоей «государственной сети», которая совмещает в себе функции социальной сети, интернет-банка и системы электронного голосования. Необходимым условием вхождения в сеть является строгая аутентификация личности. Граждане в «государственной сети» могут голосовать напрямую.

Однако идеальная модель всеобщей политической субъектности в реальном мире имеет ряд препятствий, главное из которых – отсутствие компетентности. Отдельный среднестатистический гражданин не обладает знаниями эксперта по всем вопросам. Этот тезис можно проиллюстрировать примером голосования 2014 года на платформе «Активный



гражданин». Жители Москвы проголосовали против ограничения скорости до 40 километров внутри Бульварного кольца; при этом эксперты в области урбанистики однозначно высказывались и высказываются за ограничение скорости по причине устойчивой корреляции между скоростью дорожного движения и смертностью на дорогах [Кузнецов и др., 2019; Щербанин, 2009]. Критики прямой демократии указывают на несоответствие желаний обывателей с целесообразностью. По мнению Ф.Р. Анкерсмита, «прямая демократия "бесчестит" демократию, отдавая ее во власть неограниченных, беспредельных желаний коллективного политического "либидо"» [Анкерсмит, 2014, с. 401]. В этом смысле политическое представительство выполняет важную функцию конвертации желания в рациональное.

Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников признают проблему компетентности: «Мы осознаем, что <...> подавляющее большинство людей совершенно некомпетентно» [2013, с. 55]. Поэтому в условиях облачной демократии граждане не только голосуют напрямую, но и делегируют свои голоса. Любой пользователь сети может в реальном времени аккумулялировать голоса других граждан. Чем выше уровень его активности, тем выше уровень публичности его личной информации. На уровне страны, регионов и муниципалитетов существуют рейтинги (топы) пользователей, имеющих поддержку большого числа граждан. «Первые 500 или 1000 граждан составляют государственный совет, первые 300 наиболее авторитетных по объему делегирования жителей региона автоматически формируют региональные советы, первые 100 самых авторитетных жителей города – муниципальные советы» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 98]. Рейтинги, а следовательно, и составы советов меняются в режиме реального времени. Кандидаты на должности судьи и полицейского должны сдать квалификационный минимум, после чего их назначает совет [Волков, Крашенинников, 2013, с. 101].

Правительства разных уровней утверждаются советами на определенный срок. Партии представляют собой сообщества по интересам без бюрократических структур, поэтому они могут быстро возникать и исчезать во время тех или иных общественных дискуссий.

Существует полное и частичное делегирование, т.е. гражданин может доверить другому человеку, эксперту, голосовать от его имени по любым вопросам или по определенному кругу вопросов. «Каждый человек может собирать голоса граждан или их делегирования по каким-то экспертным вопросам — то есть быть таким вот человеком-партией» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 101]. Таким образом, по каждому вопросу на каждом уровне власти гражданин может принимать решение самостоятельно, либо привлекать других людей, чтобы быть их представителем, либо делегировать собственные голоса [Волков, Крашенинников, 2013, с. 131].

У человека всегда есть возможность отказаться от делегирования – «голосовать по всем вопросам самостоятельно, и в этом смысле это прямая демократия» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 136]. Граждане, не избранные в органы власти, могут быть вовлечены не только в реализацию решений, но и в их принятие. Решения в таком случае приобретают максимальную легитимность, так как народ – источник власти – непосредственно ее реализует; сущность понятия «самоуправление» раскрывается в полной мере: объект и субъект управления совпадают. В такой гипотетической модели мы имеем уникальную ситуацию: вместе с правом на политическое решение, ответственность за него распределяется на граждан, а не на политиков. Понятие вины не персонифицируется в отдельных людях.

Положительным свойством своей модели авторы считают системную устойчивость, которая возникает в результате вовлечение максимального количества участников и увеличения частоты замеров состояния системы [Волков, Крашенинников, 2013, с. 103]. Если с первой частью этого тезиса нам легко согласиться, то вторая часть представляется нам спорной. Действительно, Интернет открывает новую возможность преодоления провинциализма и разделенности [Макаров, 2001] и работает как инструмент политической инклюзии (предоставления полномочий гражданского участия [Даль, 2003, с. 12-14]), что позволяет учитывать интересы всех граждан. Е.М. Шульман пишет: «развивающиеся технологии



передачи информации и так называемая «новая социальность» (гражданская активность посредством различных электронных средств обмена данными) способны действительно вовлечь в правотворчество широкие массы заинтересованных граждан, сделав его демократичным в первоначальном смысле этого термина» [Шульман, 2014, с. 132].

Но способствуют ли перманентные замеры (голосования) устойчивости системы? Не провоцируют ли замеры нарастание конфликтов, неразрешимых в заданных условиях? Эта проблема составляет одну из линий критики прямой демократии: «прямая демократия игнорирует конфликт и наивно верит в некую предустановленную гармонию в политической сфере» [Анкерсмит, 2014, с. 401]. Д. Хелд так пишет об этом недостатке прямой демократии: «Ее способ политического представительства препятствует возможности политической дискуссии, переговоров и компромисса» [Хелд, 2014, с. 219]. Представительная демократия в отличие от прямой демократии в чистом виде и модели облачной демократии предполагает больше совещательных возможностей для создания политических коалиций и достигаются эти возможности как раз из-за перерывов между «замерами системы». В пользу авторов нужно сказать, что они, несмотря на свою приверженность принципу «подвижной демократии», устанавливают некоторые ограничения: «на практике должен устанавливаться некий "порог чувствительности": скажем, мандат будет отзываться только при падении уровня поддержки ниже 25 %» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 125].

Другим преимуществом облачной демократии Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников считают легкость в реализации избирательных прав: «Предлагаемая система облачной демократии будет очень простой в использовании, в ней не будет барьеров для пассивного или активного участия в политической жизни» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 109]. Прогнозируемую легкость политического участия, обеспечиваемую информационными технологиями, мы можем косвенно подтвердить примерами из современного Интернета. Механизмы онлайн-голосований давно используются в социальных сетях. Кроме того, работает инструмент подписки (аналог делегирования права голоса эксперту). Интерактивность – конститутивный признак современного Интернета и в то же время «интерактивность – краеугольный камень облачной демократии» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 136]. Функционал современных социальных сетей дает нам основания полагать, что техническая часть модели облачной демократии вполне осуществима.

На ряду с технологическим оптимизмом мы можем найти в книге и другие, не столь благоприятные для облачной демократии, прогнозы. В частности, авторы пишут о том, что России еще предстоит решить проблему цифрового неравенства (эта проблема не решена и на сегодняшний день), поэтому наша страна не будет среди пионеров на пути внедрения электронных демократических технологий [Волков, Крашенинников, 2013, с. 151].

Последняя глава книги, повествующая о практике облачной демократии, во многом сводится к констатации того факта, что интернет-система «Демократия-2», выражавшая идеалы облачной демократии и предназначенная «для создания альтернативной легитимности подлинной гражданской политической жизни в России» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 171], не смогла добиться своих основных целей. На данный момент система не функционирует. В зарубежных странах также практически не существует действующих электронных систем, близких по духу облачной демократии. Один из немногочисленных примеров – канадская система IserveU [IserveU], работающая с 2015 года. В целом внедрение технологий электронной демократии в мире идет медленнее, чем ожидалось. Однако остается несомненным тот факт, что в новой политической реальности информационные технологии будут занимать все большее место.

Подводя итог, скажем о том, что книга «Облачная демократия» не теряет своей актуальности. Она выражает текущий запрос общества на политическое участие: «Идеология прямой электронной демократии – это идеология участия каждого гражданина в принятии решений» [Волков, Крашенинников, 2013, с. 149]. Тема прямого народовластия появляется и в политической жизни современной России: 5 марта 2020 года в России была создана



Партия прямой демократии, которая декларирует своей целью участие в выборах в Государственную думу [На учредительном..., 2020].

Предложенная Л.М. Волковым и Ф.Г. Крашенинниковым модель облачной демократии актуализировала проблему несовершенства институтов представительной демократии. Переосмысливая эти институты, облачная демократия предложила возможность делегирования власти и отказа от делегирования. Новые демократические механизмы, описанные авторами, можно считать успешной теоретической попыткой совместить лучшие стороны прямой и представительной демократии.

Список литературы

1. Анкерсмит Р. 2014. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., ИД Высшей школы экономики, 432 с.
2. Вебер М. Власть и политика. М., РИПОЛ классик, 432 с.
3. Волков Л.М., Крашенинников Ф.Г. 2013. Облачная демократия. М., Екатеринбург, Кабинетный учёный, 240 с.
4. Гоббс Т. 1991. Левиафан. М., Мысль, 545 с.
5. Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 576 с.
6. Ершов В.А. 2014. Постатейный комментарий к Конституции РФ. М., РОСБУХ, 160 с.
7. Институциональное доверие. 2019. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2019/10/Doverie-1.pdf> (дата обращения: 26 марта 2020).
8. Кузнецов В.В., Горбатенко Д.С., Порташников О.М. 2019. Смертность в дорожно-транспортных происшествиях, возможные пути предотвращения. Вестник Московского университета МВД России, 2: 255–259.
9. Марков Б.В. 2001. Человек и глобализация мира. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира, 1: 100–122. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/chelovek-i-globalizaciya-mira> (дата обращения: 26 марта 2020).
10. На учредительном съезде в Москве создана Партия прямой демократии. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7907893> (дата обращения: 26 марта 2020).
11. Падовер С. 1992. Томас Джефферсон о демократии. СПб., Рес Гумана, 334 с.
12. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 26 марта 2020).
13. Руденко В.Н. 2012. «Чистая демократия» и ее атрибуты. Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 10, 3: 120–126.
14. Руссо Ж.-Ж. 2000. Об общественном договоре. М., Канон-Пресс, 544 с.
15. Хелд Д. 2014. Модели демократии. М., ИД «Дело» РАНХиГС, 544 с.
16. Шульман Е.М. 2014. Законотворчество как политический процесс. М., Московская школа гражданского просвещения, 184 с.
17. Щербанин Ю.А. 2009. Безопасность на автодорогах: зарубежный опыт, подходы, пути решения. Транспорт Российской Федерации, 1: 31–33.
18. IserveU. URL: <https://www.iserveu.ca> (accessed 26 March 2020).
19. Ford B. 2002. Delegative democracy. Unpublished manuscript. Available at <https://bford.info/deleg/deleg.pdf> (accessed 26 March 2020).
20. Satori, G., 1968. Representational Systems. International Encyclopedia of the Social Sciences, 13: 465–474.
21. Weber M. 1980. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie. Mohr, 945 с.

References

1. Ankersmit R. 2014. Jesteticheskaja politika. Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti. [Aesthetic politics: political philosophy beyond fact and value]. Moscow, Publ. Vysšej shkoly jekonomiki, 432 p.



2. Weber M. Vlast' i politika. [Power and politics]. Moscow, Publ. RIPOL klassik, 432 p.
3. Volkov L.M., Krasheninnikov F.G. 2013. Oblachnaja demokratija. [Cloud democracy]. Moscow, Ekaterinburg, Publ. Kabinetnyj uchjonyj, 240 p.
4. Gobbs T. 1991. Leviatan. Moscow, Publ. Mysl', 545 p.
5. Dahl. R. 2003. Demokratija i ee kritiki. [Democracy and its critics]. Moscow, Publ. Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 576 p.
6. Ershov V.A. 2014. Postatejnyj kommentarij k Konstitucii RF. [Article-by-article commentary on the Russian constitution]. Moscow, Publ. ROSBUH, 160 p.
7. Institucional'noe doverie. [Institutional trust]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/10/Doverie-1.pdf> (accessed 26 March 2020).
8. Kuznecov V.V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. 2019. Deaths in road transport accidents, possible ways of prevention. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2: 255–259 (in Russian).
9. Markov B.V. 2001. Chelovek i globalizacija mira. [Man and the globalization of the world]. Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizacii mira, 1: 100–122. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/chelovek-i-globalizaciya-mira> (accessed 26 March 2020). (in Russian).
10. Na uchreditel'nom sezde v Moskve sozdana Partija prjamoj demokratii. [At the founding congress in Moscow, the Direct Democracy Party was created]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7907893> (accessed 26 March 2020).
11. Padover S. 1992. Thomas Jefferson o demokratii. [Thomas Jefferson about democracy]. Sankt-Peterburg, Publ. Res Gumana, 334 p.
12. Publichnyj otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija povedencheskih i institucional'nyh predposylok tehnologicheskogo razvitija regionov RF. [A public report on the results of a sociological study of the behavioral and institutional prerequisites for the technological development of the regions of the Russian Federation]. 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf
13. Rudenko V.N. 2012. "Pure democracy" and its attributes. Vestnik NGU. Filosofija? 10(3): 120–126. (in Russian).
14. Russo Zh.-Zh. 2000. Ob obshhestvennom dogovore. [The Social Contract]. Moscow, Publ. Kanon-Press, 544 p.
15. Held D. 2014. Modeli demokratii. [Models of Democracy]. Moscow, Publ. Delo RANHiGS, 544 p.
16. Shul'man E.M. 2014. Zakonotvorchestvo kak politicheskij process. [Lawmaking as a political process]. Moscow, Publ. Moskovskaja shkola grazhdanskogo prosveshhenija, 184 p.
17. Shherbanin Ju.A. 2009. Bezopasnost' na avtodorogah: zarubezhnyj opyt, podhody, puti reshenija. [Road safety: foreign experience, approaches, solutions]. Transport Rossijskoj Federacii, 1: 31–33 (in Russian).
18. IserveU. URL: <https://www.iserveu.ca/> (accessed 26 March 2020).
19. Ford B. 2002. Delegative democracy. Unpublished manuscript. Available at <https://bford.info/deleg/deleg.pdf> (accessed 26 March 2020)
20. Satori, G., 1968. Representational Systems. International Encyclopedia of the Social Sciences, 13: 465–474.
21. Weber M. 1980. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie [Economy and society: outline of Understanding Sociology]. Mohr, 945 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Никита Сергеевич, магистр философии, Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Egorov, Master of Philosophy, Belgorod State University, Belgorod, Russia